

звукописи актуализирует дополнительный смысл — сарказм. Текстовый ассоциативно-смысловый ряд на денотат *жизнь* содержит ассоциаты: *лживо, жир, нажим, держи, ножи*, отражающие разочарование, обманутые ожидания некогда восторженной девушки. Это не восхищение жизнью, а прямой вызов ей. Происходит расширение значений слова *жизнь* за счёт внесения дополнительных коннотативных оттенков (наращивание объективных смыслов с помощью эмоционально-оценочного компонента): в художественном сознании Марины Цветаевой жизнь — внешнее бытие, окружающая действительность предстает как объект, чуждый внутреннему «Я» лирического субъекта.

Для поэзии Марины Цветаевой свойственны образные корреляты индивидуального концептуального смысла («жизнь как скопление всех бед и несчастий, выпадающих на долю человека за его недолгое пребывание на земле»): так жизнь — *невыносимое мученье, жестокое наказание, тяжёлая болезнь, тяжкое бремя, ад, орудие пытки и истязания человека, рельсы, ножи*. Дополнительными компонентами к идее чуждости внешнего бытия лирическому субъекту становятся также представления о *жизни-борьбе*, в которой не хочет участвовать лирическая героиня, а также о ложной и лживой сущности жизни, её неистинности, призрачности: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо...; Неподражаемо лжёт жизнь, / Сверх ожидания, сверх лжи...*

Компоненты коннотации лексемы, обусловленные её синтагматическими связями и ассоциативной сопряжённостью с контекстом, способствуют дополнительному смыслу, придают общению определённую модальность, индивидуальную значимость. И если информативность слова определяется номинативной функцией, то богатство и яркость речи, её прагматическое и эстетическое воздействие на читателя чаще всего формируется коннотативными значениями.

Особенно значительные преобразования претерпевает коммуникативный потенциал слов, обозначающих наиболее значимые для М. Цветаевой понятия и явления окружающей действительности. Поэт отказывается от их обыденного, стереотипного восприятия, трансформируя, преобразуя их в новые сущности и образы.

Например, со словом происходят семантические метаморфозы при описании поэтической реальности, творцом которой выступает автор, приобщающий читателя к своему мироощущению: *Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь — уж рвешься прочь! / Я лоб уронила в руки / И думаю, глядя в ночь: / Никто, в наших письмах роясь, / Не понял до глубины, / Как мы вероломны, то есть — / Как сами себе верны.*

Поэт намеренно игнорирует явные, легко угадываемые лексические мотиваторы слова вероломство — «вера + ломать», предлагая единственный, свой — верность. Вероломство становится отражением цельности лирической героини, не желающей забыться, отдаться чувству, растворить свое «Я» в любимом, соединиться с ним. Поэтому она отвергает все попытки сближения. «*Цыганская страсть разлуки*» — это жажда свободы и независимости от всего, даже от любимого. Единственный компромисс, который она принимает, — переписка, своеобразная близость через расстояния.

Ключевое слово в данном случае утрачивает свою отрицательную окраску, меняет её на субъективно положительную и приобретает смысл, который можно сформулировать так: «стремление любой ценой сохранить целостность, цельность своего «Я», своеобразный эгоцентризм, полностью преодолевший потребность в близости любимого человека». Создавая сложный образ, поэт старательно предаёт забвению исходную семантику, известную адресату, и внутреннюю мотивированность ключевого слова, эксплицируя свою собственную интерпретацию («то есть сами себе верны»).

**Заключение.** Как показывает анализ, «почти каждое слово в тексте коннотативно, то есть обладает большим количеством дополнительных значений, имеющих как общий, так и частный, индивидуальный для каждого носителя языка характер» [2, с. 34].

Мы рассмотрели слово как составной элемент контекста, с которым оно находится в двусторонней связи. В определённых условиях различные ассоциативные наслоения (коннотации) как бы «обволакивают» концептуальное значение слова, более того, отодвигают его на второй план. Контекст обретает новую, ранее не свойственную ему предметно-логическую направленность и экспрессивно-оценочную окраску.

#### Список цитируемых источников

1. Харджиев, Н. Поэтическая культура Маяковского / Н. Харджиев, В. Тренин. — М.: Искусство, 1970. — 328 с.
2. Плотников, Б. А. Основы семасиологии / Б. А. Плотников. — Минск: Высш. шк., 1984. — 233 с.

Материал поступил в редакцию 25.10.2013 г.

УДК 82.0

Т. И. Нестерович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

### ЯЗЫК ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ Н. В. ГОГОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ «ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»)

Н. В. Гоголь последнего десятилетия жизни и творчества (40—50-е годы XIX века) — духовный писатель, «писатель-христианин», «монах-художник», «христианин-сатирик», «православный поэт». Очистить от «черноты» прежде всего свою душу и помочь в этом другим становится для него «потребностью внутренней» и выражает суть вечного христианского закона — «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»

(Мк. 12:31) [1, с. 221]. Этим законом Н. В. Гоголь руководствуется и в личной жизни, и в художественном творчестве и на этом пути закономерно, исключая всякого рода «переломы», через «строгий анализ над собственной душой» и «познание души человека» вообще приходит к тому, «кто один ведатель и действий человеческих и всех малейших наших душевных тайн» [2, с. 416] — к Христу.

«Выбранные места из переписки с друзьями» — главное произведение духовной прозы Н. В. Гоголя. Его идейное содержание составляют раздумья автора о Родине, её будущности. Это находит выражение в композиции произведения, воплощающей христианскую идею о нравственном возрождении души человека через любовь к Богу, и включает в себя три основных компонента: «Завещание», «Просвещение», «Светлое воскресенье». Названные главы составляют «рамку» произведения, его смысловую опору. Нравственный максимализм, до болезненности острое ощущение собственного несовершенства и необходимости духовного самоочищения, пафос христианского смирения и любви к ближнему, мучительный страх перед неведомым, неутолимая жажда служения своими сочинениями общественной пользе — эти идеи и мотивы, получившие первоначальное отражение в «Завещании» и «Просвещении», достигают своего апогея в главе «Светлое воскресенье». Она несёт человечеству благую весть не о продлении до бесконечности земного существования, а о спасительном возрождении души. Такое возрождение, по мнению Н. В. Гоголя, немыслимо без Христа, помимо Христа.

Идейным содержанием произведения, особенностями его композиции определяется и выбор автором языковых средств. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что Н. В. Гоголь отдавал предпочтение старославянизмам, которые выполняют в «Выбранных местах из переписки с друзьями» «традиционную» функцию — придают тексту оттенок торжественности, возвышенности, особой эмоциональной приподнятости.

Старославянизмы — заимствования из старославянского языка (языка богослужебных книг), распространившиеся на Руси с принятием христианства [3, с. 62]. Они характеризуются рядом признаков. Так, в «Светлом воскресень» находим старославянизмы с фонетическими признаками: неполногласие, т. е. сочетания *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-* между согласными на месте полногласных русских *-оро-, -оло-, -ере-, -еле-, -ело-* в составе одной морфемы — *ангельское младенчество, изглашаются* (мысли); сочетание *жд* на месте русского *жэ*, восходящее к единому общеславянскому созвучию [*\*dj*]: *страждущий ... тяжельми язвами своих душевных недостатков; враждуют лично; противу собственного убеждения; внушеньем божьим порождаются*; со словообразовательными признаками: префиксы — *воспразднуется, долг свой исполняем, возвысить внутреннее достоинство человека, непреборимое препятствие, радостно воспраздновать, предстала, помогающая возлететь, внушеньем божьим порождаются, презренными, возглас*; суффиксы — *вседневная жизнь, земное кровное наше родство, страждущий, требующий сострадания к себе, смрадное дыхание уст, святыня, гордыня ума, небесное братство, детское бесстыдство, коренные постановления, утопающий, благоухающими устами; типичные для старославянизмов первые элементы сложных слов често-, добро-, сердо-, человеко-, благо-, суе-: честолюбие кичит, семейные добродетели, подвиги сердоболия, человеколюбивые заведения, рыцарь благородства, гордый благоуханьем чистоты своей, благородное расстояние, суеверные люди, добродушное.*

Семантические признаки старославянизмов связаны с их значением и сферой употребления. В «Светлом воскресень» чаще всего они обозначают: а) церковно-религиозные понятия: *Светлое воскресенье, христианство* в силах это произвести, торжественная *обедня*, совершенный *христианин*, *божие помазанныки*, святые обычаи *церкви*, *ангел*, *исповедь*, освящено самим *Христом*, устами *святителей*, *небесный отец*; б) абстрактные понятия: *честолюбие, посмеянье, добродетель, сердоболие, благородство, презренье, соблазн, смиренье, простодушие*; в) части тела человека: *уста*.

Следует особо отметить группу семантических старославянизмов — общеславянских слов, получивших в старославянском языке новое значение, связанное с христианством. В статье «Светлое воскресенье» основу их составляют слова *небо, душа, святой, человек, брат* (и производные от них). Обращает на себя внимание многообразие контекстов, в которые включены эти слова, а также их эмоционально-экспрессивная окраска:

– *небо: небесный отец, небесное братство, праздник небесной любви, благоухание небесного братства, небесный хозяин, небесное лобзанье;*

– *душа: душевных недостатков, страшное духовное развитие, душевная красота, подл душой, подвигнутый жалостью душевной, изливается на душу;*

– *святой: соблюдаются свято, святой день, празднует святое, святыня (ум), священнейшие законы Христа, святые обычаи церкви, святая полночь, освящено самим Христом, развозвестится благоухающими устами святителей;*

– *человек: всё человечество, внутреннее достоинство человека, человеколюбивые заведения, объятье всему человечеству, истинный человеколюбец, подлые и презренные люди, суеверные люди, перестал ... чиниться с людьми, разошедшихся людей, высокая природа человека;*

– *брат: все люди — братья, небесное братство, начала братства Христова, кровное братство, братская любовь.*

Данная группа старославянизмов помогает понять лейтмотив произведения, которым является непреходящая мудрость провозглашенной Христом и утверждаемой литургией идеи любви к ближнему, её спасительный миротворческий смысл.

В понимании писателя, любовь «есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущегося, пища, жизнь всего» [4, с. 372]. Ибо сам Спаситель пришёл в мир «не как каратель преступлений, не как судия, приходящий истребить одних и наградить других. Нет! Послышалось кроткое лобзание брата» [4, с. 330]. Не случайно

П. В. Вяземский уподобил «Выбранные места ...» Н. В. Гоголя «чистой светлой хранине», из которой «выходишь с духом умилённым, с сознательностью и чувством любви и благодарности к её строителю и хозяину» [5, с. 16].

Пасха — это самый главный и любимый Н. В. Гоголем праздник, несущий в себе пафос обновления. Суть его писатель видит в том, «чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата... День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное своё братство всё человечество до единого, не исключив из него ни одного человека» [2, т. 6, с. 362]. Н. В. Гоголя не пугает, что «непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь; всё мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста» [2, т. 6, с. 367]. Русский народ, в понимании писателя, «ещё растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму» [2, т. 6, с. 368], и «есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе» [2, т. 6, с. 368]. Вот почему, пишет Н. В. Гоголь, «у нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднётся Светлое Воскресенье Христово!» [2, т. 6, с. 369].

Этими суждениями определяется обилие эмоционально окрашенных слов в тексте «Светлого воскресенья», которые несут в себе положительную или отрицательную оценку называемого понятия, явления (в главе «Светлое воскресенье» они касаются рассуждений Н. В. Гоголя о Пасхе): *радостные встречи — умышленное незаставание друг друга; христианские стремленья — корыстные расчёты; душевная красота — язвы ... душевных недостатков; великодушное объятие — одна чистая злоба воцарилась наместо ума; объятие всему человечеству — ссоры и брани; совершенный христианин — суеверные люди; душевная красота — он мерзок, он подл душой; все люди братья — враждуют лично; христианская любовь к человеку — злоба ... как всепогубляющая саранча; светлое простодушие и ангельское младенчество — страшное духовное развитие, детское бесстыдство; ангел — дух тьмы.*

Причина негативных явлений, связанных с празднованием Светлого Воскресенья, видится писателю в том, что многие его соотечественники «выгнали на улицу Христа» [2, с. 363]. Изменить ситуацию к лучшему можно, по мнению Н. В. Гоголя, одним способом: ввести «Христов закон» в жизнь семьи и государства. В связи с этим И. А. Виноградов рассматривал «Выбранные места из переписки с друзьями» как «книгу с призывом к чистой христианской жизни, к покаянию и терпению, к подвигу самоотречения, духовного обновления и радостному служению родине» [6, с. 387].

Н. В. Гоголь — признанный мастер слова. По мнению А. И. Горшкова, «он первым после Пушкина с наибольшей полнотой показал богатство выразительных и изобразительных возможностей русского языка, создал разнообразные словесно-художественные системы, отличающиеся друг от друга отбором и организацией лексических, синтаксических и образных средств» [7, с. 358]. Доказательством этого служит использование в тексте «Светлого воскресенья» следующих тропов: сравнений (они увеличивают наглядность изображаемого, усиливают его сатирический характер) — *взглянуть в этот день на человека, как на лучшую драгоценность; злоба... как всепогубляющая саранча; пляшут, как лёгкие ветреники, под её дудку; завопив раздирающим сердце воплем, как утопающий хватается за лодку;* эпитетов (как правило, они носят оценочный характер) — *умышленное незаставание, корыстные расчёты, отсталый патриот, семейные добродетели, патриотические возгласы, человеколюбивые заведения, великодушное объятие, душевные недостатки, совершенный христианин, высокая природа, исполинский образ, нечистая сила и др.;* метафор (они придают тексту образно-экспрессивную окраску, сочетающуюся с ярко выраженной эмоциональной оценкой) — *честолюбие кипит; небесное лобзанье... изливается на душу; дыхание этого праздника; рука, помогающая взлететь; черствей становится жизнь; говорит душа моя; бедная душа просила и молила; тоской загорелась земля и др.*

В поисках острого, меткого слова, лучшего для выражения своей мысли, Н. В. Гоголь обращался к народному языку, широко используя просторечную и разговорную лексику. В тексте «Светлого воскресенья» имеются следующие слова и выражения разговорного характера: *нежели, наместо, для проформы, начальник чмокнет, всяк, подлое дело, пуце, прослыть дураком, подлец, усумнится, противу собственного убеждения, наместо, доселе, кликать* и др. Смелые, резкие, необычайно сильно воздействующие на читателя переходы от одного стиля к другому вызывают ещё большее понимание высоких мыслей и чувств писателя.

Рассуждая в «Выбранных местах...» об источниках «лиризма наших поэтов», Н. В. Гоголь видит их в любви к Богу и России, что, по его мнению, является отличительной чертой именно русских поэтов: «Оттого и звуки становятся библейскими у наших поэтов. И этого не может быть у поэтов других наций, как бы ни сильно они любили свою отчизну и как бы ни жарко умели выражать такую любовь свою» [2, с. 206]. В связи с этим автор формулирует задачи современной поэзии и литературы в целом: «Другие дела наступают для поэзии. Как во время младенчества народов служила она к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них браннолюбивый дух, так придётся ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу» [2, с. 359].

В этом Н. В. Гоголь видит основу успеха любого художника слова, для которого настоящее «поприще» — душа человеческая. Работая в этом направлении, он может, по мнению писателя, приблизить день Светлого воскресенья — заповедную мечту его об истинно прекрасном обществе, гражданами которого будут не «мертвые», а «живые» души.

Таким образом, духовная проза Н. В. Гоголя преследует цель исполнения главного христианского закона, что для писателя означает быть «незримой ступенью к христианству». В тексте «Светлого воскресенья» преобладают старославянизмы, которые придают гоголевским рассуждениям возвышенное, торжественное звучание и помогают выразить отношение автора к изображаемому (положительное или отрицательное); использование слов различных стилей характеризует мастерство писателя, определяет его роль в развитии литературного языка.

#### Список цитируемых источников

1. *Священномученик, епископ Горазд. 1168 вопросов и ответов о православной вере / Священномученик Горазд, епископ Чешский и Моравско-Силезский.* — Минск : Белорусская православная церковь, 2009. — 400 с.
2. *Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. / Н. В. Гоголь.* — М. : Худ. лит., 1986. — Т. 6. — 543 с.
3. *Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова.* — 5-е изд., испр. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 448 с.
4. *Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь.* — М. : Рус. кн., 1994. — Т. 6 : Духовная проза. Критика. Публицистика. — 607 с.
5. *Гоголевская исповедь и проповедь России : материалы и метод. рекомендации к изучению «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя : для учителей и студентов-филологов.* — Брест : БрГУ, 1996. — 29 с.
6. *Виноградов, И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские миросозерцания / И. А. Виноградов.* — М. : Наследие, 2000. — 448 с.
7. *Горшков, А. И. История русского литературного языка / А. И. Горшков.* — М. : Высш. шк., 1969. — 366 с.

Материал поступил в редакцию 25.10.2013 г.

УДК 82.0

*Л. В. Прокофьева*

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

### ПСИХОЛОГИЗМ КАК ПРИЁМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» ЭМИЛИ БРОНТЕ

Особое место в истории романа, в частности романа психологического, принадлежит Эмили Бронте, младшей сестре знаменитой Шарлоты Бронте, автору единственного романа «Грозовой перевал», вошедшего в золотой фонд национальной и мировой классики. Писавшая в 40-е годы, она уже мастерски владела приёмами, которые были открыты английскими писателями-психологами лишь к концу XIX века.

«Грозовой перевал» был создан в 1847 году. До его появления жанровые черты романа определялись следующим образом: «сии черты немногочисленны, хотя с первого взгляда творения сего рода представляют бесконечные разнообразия характеров, приключений, завязок, игры случаев; но вся пестрота сих изобретений приводится к двум предметам, которые можно назвать постоянными производителями романов, потому что в каждом романе повторяются. Сии два предмета — любовь и описание семейственной жизни» [1, с. 116].

Роман Эмили Бронте перевернул представление о романической прозе. Английский реализм в связи с творчеством сестёр Бронте вступил в новую для него область — внутреннюю жизнь чувств, страсти. В их романах воссоздана правдивая и психологически глубокая картина человеческого сердца [2, с. 120].

Формально роман Эмили Бронте вписывается в традицию «готических романов» о роковой любви, происках злодеев, мистических событиях. Налицо все признаки жанра: смерть, месть, искалеченные судьбы, тайны и мистика.

Произведение построено по принципу «рассказ в рассказе». Данный повествовательный приём придаёт свежесть, непосредственность восприятия разворачивающейся драмы, углубляет психологизм произведения. События в «Грозовом перевале» показаны через восприятие мистера Локвуда и служанки Нелли Дин. Локвуд «записывает» её повествование, добавляя свои замечания и наблюдения. Он настоящий психолог: «*Мне интересен в большей или меньшей степени каждый обрисованный вами характер*», — говорит он словоохотливой служанке [3, с. 71].

Сюжет романа представляет собой напряжённое, полное настоящих столкновений и взрывов психологическое действие. Отчасти он навеян семейными преданиями. Но источником послужили и наблюдения самой писательницы над жизнью окрестных фермеров и сквайров, в которой постоянно разыгрывались трагические и ужасные конфликты, совершались во имя наживы тайные преступления.

Несомненно, Эмили Бронте — психолог, умеющий понимать человеческую душу, проникать в скрытые мотивы поступков. Она не изображает собственно мысли, переживания и желания героя, не воссоздаёт непосредственно его эмоции и размышления, как это будут делать Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Но писательница уже понимает характер как сложное и многостороннее единство, которое психологически интерпретируется автором через выразительные особенности речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики [4, с. 4].

Обращает на себя внимание описание ситуаций с изображением внутреннего состояния героев. Хитклиф, недовольный приходом «чужака» в его владения: «*А кто привёл вас в эту комнату? — продолжал он, вонзая ногти в ладони и стиснув зубы, чтобы они не стучали в судороге*» [3, с. 36]. Перед нами — одинокий человек, переживший страшную трагедию. Муж старшей Кэти, увидевший соперника: «*Эдгар, бледный от изумления и ярости, бросился к непрошеному гостю*» [3, с. 131]. Младшая Кэти во время последней болезни отца: «*Она жалела о каждой минуте, которую не могла провести, сидя подле отца или склонившись над его подушкой. Краски её лица поблекли от бессонницы и печали...*» [3, с. 208]. Она же у смертного отцовского одра: «*Все ли слёзы иссякли у Кэтрин, или слишком было тяжким горе, чтоб дать им пролиться, но она сидела с сухими глазами...*» [3, с. 223]. Перед нами типичный пример косвенной формы психологического изображения, при которой автор рисует лишь